

ТАТЬЯНА
ВОЛОШИНА-
ОРЛОВА

КОГДА КУЗНАТ КВЯКНЕТ

повесть о счастливом детстве

Татьяна Волошина-Орлова

Когда озеро квакнет

«Самокат»

2025

Волошина-Орлова Т.

Когда озеро квакнет / Т. Волошина-Орлова — «Самокат», 2025

ISBN 978-5-00-167739-0

«Когда озеро квакнет» – повесть о счастливом, солнечном детстве. У девочки Таты есть мама, папа и собачка Овечка. И вкусный ковёр, и ваза-леденец, и гитара – лисья нора, и абажур – рыжая медуза, и перелётная новогодняя ёлка... И дачное лето, полное приключений и открытий. Эта книга – и маленьким, и взрослым. Книга-заклинание, чтобы детство всегда было счастливым, как и память о нём. Татьяна Волошина-Орлова – молдавская русскоязычная писательница и поэтесса, автор книг «Гусеницы и колёса», «Вариации солнца», «Моя первая азбука», «Перелётные буквы». Финалист нескольких литературных конкурсов, в том числе «Короткий список, или Саламандра» (2023).

ISBN 978-5-00-167739-0

© Волошина-Орлова Т., 2025

© Самокат, 2025

Содержание

Часть первая	8
Имя	8
Дом	10
Полетели	11
Компотный океан	12
Шлепендряс	13
Осенние холмы	15
Тёмно-зелёная гора	16
Бесконечная кофта	17
Не уходи в осень	19
Стекляшка	20
Зверь без головы	21
Бутерброд с красной рыбкой	22
Волк	23
Стеклянный шар со снегом, домами и нами	25
В один день	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Татьяна Волошина-Орлова

Когда озеро квакнет

Иллюстрации *Кати Бас*

Литературный редактор *Наталья Калошина*

Верстка *Стефана Розова*

Корректор *Регина Данкова*

Художественный редактор *Юлия Сиднева*

Ведущий редактор *Вера Копылова*

Главный редактор *Ирина Балахонова*

Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с согласия издательства.

Издательство благодарит литературный конкурс «Короткий список, или Саламандра»

© Татьяна Волошина-Орлова, текст, 2023

© Катя Бас, иллюстрации, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2025

Посвящается всем моим близким

Часть первая

Всё, что было до этого лета и что лучше помнят мои мама и папа

Имя

У меня есть имя. Но, когда я родилась, мама с папой его потеряли. Вот такие рассеянные.

– Если мы не найдём имя, наша дочь будет просто девочкой, – сказала мама.

– Пойду его искать! – согласился папа.

– По дороге купи, пожалуйста, хлеб.

Мама взяла меня на руки и закрыла за папой дверь. Папа долго бродил по улице, потом немного устал, купил в магазине хлеб и снова пошёл искать.

– Подождите! – догнала его продавщица. – Это не вы потеряли?

Папа обрадовался, думал – имя моё нашлось, но это был хлеб. Скоро папа проголодался, откусил кусок. Хлеб оказался тёплым, мягким, с хрустящей корочкой. Папа от удовольствия зажмурился и... нашёл моё имя, оно тихонько постукивало внутри.

Папа вернулся домой радостный, а там мама тоже улыбается и говорит:

– Я нашла её имя! Вот тут.

Папа наклонился к моему сердцу и снова услышал: «Та-та».

Дом

Мама и папа захотели дом за городом. Даже купили для него огород. «А когда купите дом?» – спросила я. «Нескоро», – ответил папа, и его взгляд стал прямо бездомным.

Мама накупила семян и посеяла в огороде. Из семечка тыквы вырастет тыква-растение, из семечка огурца – растение огурец. Тогда я догадалась, что можно посадить камень и вырастить к папиному дню рождения дом. Весь день искала семена домов. Нашла много серых и выбросила. Не хочу, чтобы дом получился скучным! Подняла одно в полоску. Нет, там наверняка цирк спит! Подняла другое, гранитное, чёрно-красное. Ой-ёй, вот возьмёт и вырастет из него дом президента... Не годится.

Гуляла с мамой в парке, нашла янтарное семечко, а сквозь него солнце просвечивает. Чудесное! Но если дом будет таким же прозрачным, как в туалет ходить? Нет, не хочу.

Мы снова поехали к нам на огород, и там возле дороги мне попался белый гладенький камень в виде сердечка. То что нужно! Я вырыла в огороде ямку, опустила в неё белое каменное семечко и закопала. Потом полила горячим чаем из термоса, чтобы дом вырос тёплым, к зиме. Зимой у папы день рождения.

Полетели

Мы с мамой и папой вышли в ночной город. Ой! Вместо дороги – чёрная страшная пропасть. «Как же я пойду?» – испугалась я.

– Тата, полетели! – сказал папа.

– Полетели-полетели! – сказала мама.

Они крепко схватили меня за руки, подняли и зашагали вперёд. Их ноги отросли вниз, до самого дна пропасти. А я свои поджала, чтобы не коснуться черноты, и полетела до следующего фонаря. На этом островке мы немного передохнули и отправились дальше, от фонаря к фонарю. Когда-нибудь у меня тоже вырастут длинные-предлинные ноги и я сама пойду по дну чёрной страшной пропасти.

Компотный океан

У нас дома три вазы. Одна осенняя. Высо-окая! Я заглядываю в неё и вижу круглую поляну, а вокруг – золотые, красные и оранжевые деревья. Высо-окие! Пока никто не видит, прижимаюсь ухом к вазе и слушаю шорох листьев. Если из вазы выпрыгнет маленькая белка, я угощу её грецким орехом – и мы подружимся. Вторая ваза красная и гладкая, как леденец. Пока никто не видит, я облизываю её края, и мне сладко.

Третья ваза стоит высоко. Она тёмно-фиолетовая, как банка с компотом. Внутри – компотный океан. В нём плавают не рыбы, а вишни и сливы с черенками вместо хвостов. Папа не разрешает её трогать, потому что ваза бабушкина. Наша бабушка давно уплыла на чёрной сливе в дальнее путешествие. Если ваза разобьётся, компотный океан выльется и бабушка не сможет вернуться.

Сегодня мама и папа оставили меня одну. Я сделала пирамиду из стульев, забралась на самую вершину и достала вазу. Но внутри было пусто. Где океан? Встряхнула вазу, чтобы его услышать, но вместо всплеска волн раздалось: «Кря-крр». И это был не дикий гусь и не чайка, а стул, у которого ломается ножка. «Только бы не разбить!» – Я крепко прижала вазу к животу и рухнула на пол.

Бух!

Больно! А тут как раз мама и папа пришли и как заругались, закричали на меня, особенно папа. Я сильно обиделась – за что? Вазу я не разбила.

– Вот, смотрите, – сказала им, – ни одной трещины! Пусть бабушка поскорее возвращается.

Шлепендряс

Когда я балуюсь, папа грозит позвать шлепендряс.

– Раз ты человеческого языка не понимаешь, иду звонить шлепендряс.

Я не знаю, как шлепендряс выглядит, но мне кажется, это такой сердитый гном с ручищами-мухобойками. Мухобойки мне нравятся, ими очень здорово свистеть. Как следует размахнёшься и – х-с-сак по воздуху! Х-с-сак, хс-с-сак. Абдух! – по столу. Мухи, улетайте! Вообще мух мы жалеем и выпускаем в окно, если залетят, а вот папу я иногда случайно задеваю, если сильно развеселюсь. Тогда он берёт телефон и звонит шлепендряс, а тот, увы, слишком занятой гном, до него не дозвонишься. Наверняка у него ещё огромная семья: жена и много детей-шлепендрясыков. Они друг друга по спине шлёпают. «Шлёп-шлёп-шлёп» означает «Я тебя люблю», а «шлёп-шлёп» – «Хочешь, поиграем?». У людей похожий язык есть из одних тук-туков, называется «азбука Морзе».

Я рассказала про шлепендряс двум девочкам из квартиры напротив, а те только фыркнули:

– Руки-мухобойки? Ха-ха! Таких гномов не бывает!

Пусть смеются! Возьму и всю семью шлепендрясов сфотографирую на мамин телефон, а потом им покажу. Осталось только придумать, как разозлить папу, чтобы он всё-таки дозвонился до шлепендряс и пригласил в гости. Вчера думала-думала и придумала суперплан. Как раз на сегодня – потому что сегодня суббота и папа весь день дома. Всё, пора начинать.

Итак. Пункт номер один: завтрак с чавканьем.

Роняю в молоко печенье, ловлю его пальцами. Папа морщится:

– Тата, возьми ложку!

Набираю молоко в рот и полощу им зубы.

– Тата!

Папа вздыхает, качает головой, но шлепендрясам не звонит.

Хорошо. Тогда пункт номер два: папа на диване читает книгу.

Она открыта на очень неудобной странице – где-то дальше середины. В таких труднодоступных местах всегда должна быть закладка, на всякий случай. А у папы её нет. Я подбегаю к нему и снизу двумя ладошками складываю книжные створки: шлёп! Хохоху. Очень громкий этот шлёп получается – наверное, почти как у шлепендряс. И папин нос я чуть не пришлёпнула. Ура! Папа смотрит на меня, как потревоженный в дупле филин, и возвращается в книгу.

Пункт номер три: превращаю квартиру в арену цирка.

Прыжки на батуте, жонглирование мячами, выступление слонов.

– Проломишь кресло! – кричит папа. – Разобьёшь люстру! Разозлишь соседей.

– А соседи позвонят шлепендряс? – радуюсь я.

– Нет. Они позвонят в полицию.

Полиция – это неинтересно, поэтому я прекращаю слоновий галоп и жду подходящего момента для пункта четыре. За окном по жестяному скату кто-то шлёпает. Может, шлепендрясыки? Выглядываю – нет, всего лишь дождь пошёл.

Пункт номер четыре.

Папа затевает уборку – это он всегда делает в субботу, чтоб задобрить маму и вдохновить на пирог. Сначала пылесосит в большой комнате, потом в маленькой. А мама уже испекла пирог. Вот он – горячий, только что из духовки, с яблоками. Я хватаю обеими руками самый большой кусок и, пока папа вместе с пылесосом отдуваются и гудят в маленькой комнате, проникаю в большую. Становлюсь по центру чистого жёлто-коричневого ковра и начинаю есть пирог. Медленно отламываю по кусочку, стряхиваю крошки вниз, дую, снова стряхиваю крошки и ем. По телевизору играет моя любимая песня. Я пританцовываю, и крошки втапты-

ваются в ковёр. Неожиданно увидев папу, я роняю кусок, как раз тот, где вкусная, крупная, но очень липкая яблочная долька, и наступаю на неё.

– Тата, можешь не стараться. Шлепендряс не придёт.

Я замираю. Слышу, как дождь отчаянно шлёпает по стеклу крупными каплями и как мама скребёт противень железной сеточкой для посуды. А вдруг папа сейчас признается, что всё придумал? Вдруг скажет, что шлепендрясов нет? Я этого не хочу.

– Почему? – одними губами шепчу я.

Папа смеётся.

– Сегодня суббота. Выходной. Они не работают.

Он не сердится. Уходит за пылесосом, а задники его тапок: шлёп-шлёп, шлёп-шлёп. И тут на пару секунд я их вижу – за папой бегут гурьбой маленькие человечки и весело шлёпают друг друга по спине. Интересно, о чём они сейчас говорят, если перевести на человеческий?

Осенние холмы

Каждое утро дворовые волшебники лепят осенние мягкие холмы. Мне очень нравится в них падать. Бух – и провалилась в шуршащие объятия!

– А если под листьями кирпич? – сказала мама. – И ты бы сломала спину?

– Нет! – ответила я. – Не может быть! Дворовые волшебники добрые, разве они могут подложить кирпич?

Но с этого дня мне стало страшно падать в листья. Добрые дворовые волшебники превратились в злых колдунов и думали: «Му-ха-ха! Только упав в листья, и там тебя будет ждать камень».

– Упадёшь в листья? – спросил меня папа на прогулке.

– Нет! – сказала я.

– Не хочешь?

– Хочу. Но мама сказала, там может быть кирпич и я сломаю спину.

– Проверим!

Папа подошёл к огромному холму из листьев и упал в него. Мягкий! Кирпича не было, папина спина не сломалась, и дворовые колдуны вновь стали волшебниками.

– Пап, а существуют злые колдуны? – спросила я.

– Конечно, – ответил папа. – Иначе откуда бы мы знали, что есть добрые?

Тёмно-зелёная гора

Лошади, овечки, зебра, а ещё жираф, слон, лев и носорог терпеливо ждали, когда построятся башня. Дул холодный ветер, им очень хотелось в тепло. И вот... ура! Можно заселяться. Первый этаж для крупных животных. Добро пожаловать, слон, носорог и жираф. Лев может запрыгнуть на второй... Овечки дрожали, дожидаясь своей очереди. Для них я приставила лестницу, и тут в комнату вошла мама.

– Приберись, ступить некуда! – зло сказала она и, задев башню ногой, прошагала к цветам на окне. Башня рухнула. Дождь обрушился на цветы, и овечки с лошадьми и жирафом заплакали, а лев зарычал на мамины пятки в махровых коричневых носках. Он очень хотел впиться в них зубами, но был игрушечным. Тогда я сама прошипела в мамину спину: «Ненавижу». Мама обернулась, словно я её ужалила.

– Что?

Мама посмотрела внимательно на меня и скрылась в коридоре. Я отстроила заново башню. Поселила в неё животных и пошла за мамой. Она была на кухне. Там лилась вода и горел свет. Я рассматривала мамину спину из тёмного коридора и слушала, как бьётся вода о раковину. Спина была похожа на неприступную гору.

– Мам, – позвала я.

Мама не обернулась. Её спина в тёмно-зелёном свитере с высоким воротником была глуха ко мне.

– Мама!

Тёмно-зелёная гора не шевелилась.

– Ну мам! Почему ты молчишь?

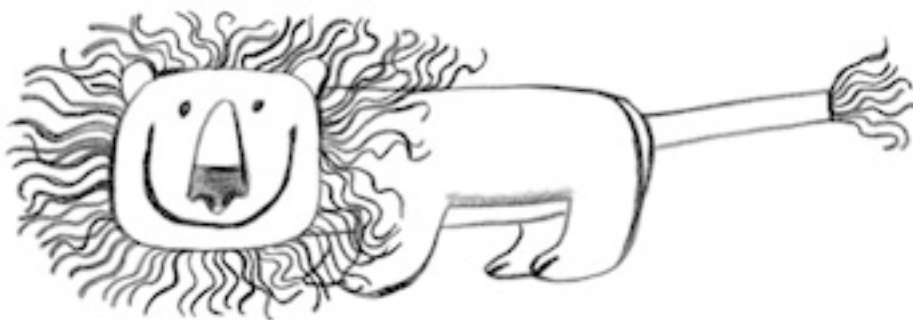
Я попыталась переступить порог кухни и не смогла. Мне стало страшно. А вдруг я не смогу одолеть эту гору и останусь навсегда в коридорной темноте? Горло перегородили слова, и мой нос тут же затопило. Нужно было попросить прощения, но я стояла и пропускала через себя потоки солёного дождя. А он лился, лился, как вода из крана. Я вытирала его рукавами рубашки, и рукава сразу промокли. Внезапно зелёная скала дрогнула. Потом ещё раз и ещё... Что с ней? И вдруг я догадалась: это моя мама плачет. Застрявшие в горле слова сдвинулись:

– Прости, мамочка, прости.

Тёмно-зелёная гора превратилась в мамину спину, а спина повернулась, и я увидела заплаканное мамино лицо.

– Мамочка, я тебя не нане... нена... Я тебя вижу! То есть люблю.

– И я тебя люблю! – Мама продолжала всхлипывать, но уже улыбалась. Она вывела меня из коридорной темноты на свет. – Запомни. Что бы ни случилось. Всегда. Я тебя люблю.

Бесконечная кофта

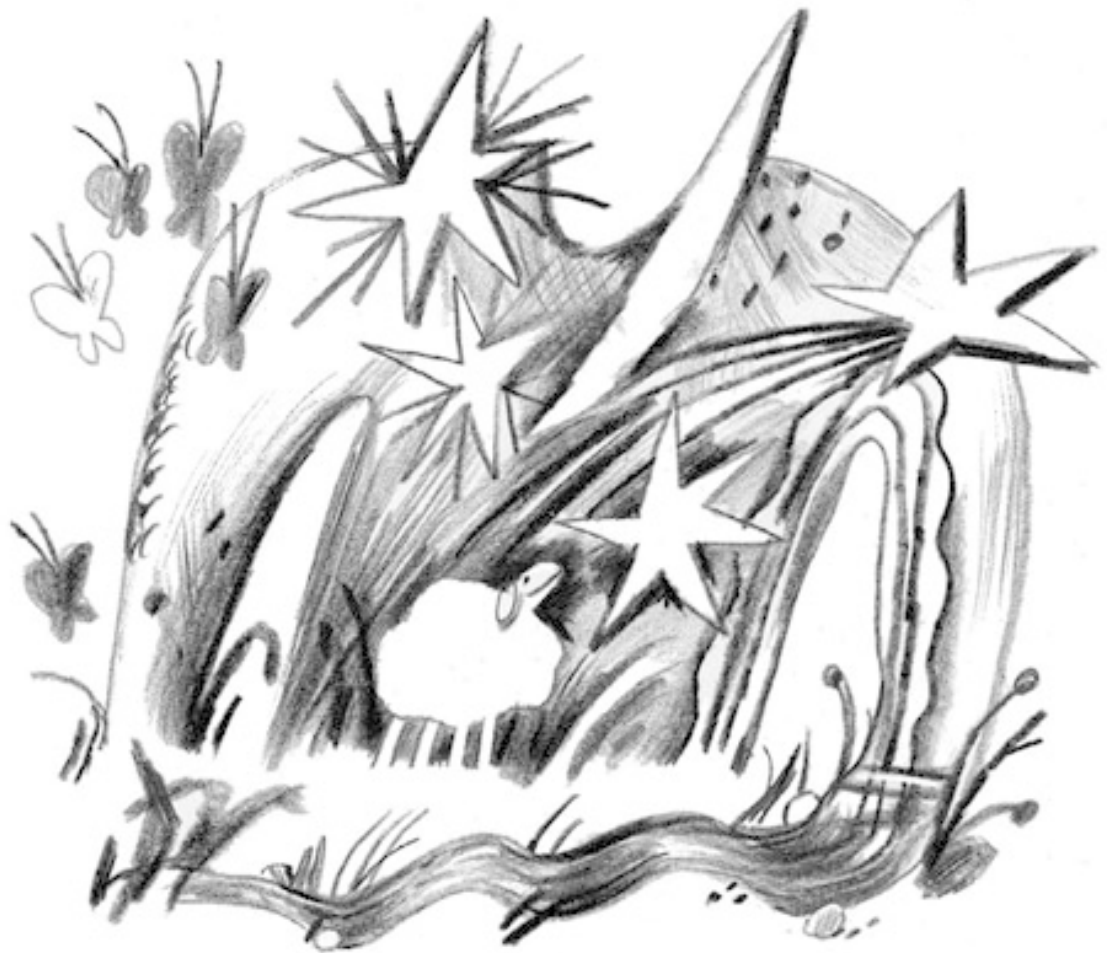
Каждую осень мама садится вязать бесконечную кофту.

Сначала это была пряжа. Жёлтая и светло-голубая. Мягкая! Мама смотала из неё два плотных клубка и начала вязать мне тапочки-пинетки. Этого я не помню, конечно, я тогда ещё была маленькая и в кроватке лежала. Мама пинетки вязала-вязала, а я взяла и на ноги встала и побежала вон из дома, как в сказке «Колобок». Поэтому пинетки мне не понадобились, папа купил сандалики.

Мама вздохнула, распустила пинетки, смотала нитки в два клубка и начала вязать мне голубую шапочку с золотыми звёздами как раз к зиме. Вязала-вязала, а зима взяла и закончилась, и весна тоже, и лето... а осенью шапочка мне только на макушку налезла, и мама снова её распустила. Она отправилась в магазин, прикупила ещё мягкой золотой шерсти, хотела связать шапку побольше, но папа тоже отправился в магазин и купил мне жёлтую шапку-улитку с двумя помпонами. Очень боялся, что я всю зиму без шапки прохожу.

Тогда и началась бесконечная кофта, хотя, наверное, она началась ещё раньше шапки, пинеток и ниток – с тёплой овечьей шерсти, с ветра в поле, с трав, с земли, с того самого дня, когда земля появилась вместе с солнцем и звёздами.

Мама вязала золотую кофту с голубыми снежинками, а дни становились длиннее и солнечнее. И вот настала весна, а за ней лето, осень. Осенью я померила кофту, и оказалось, что мои руки растут гораздо быстрее, чем ряды ровных петель. Мама распустила рукава кофты и принялась их догонять. Догоняла-догоняла, а тут снова зима закончилась. Мама вязать устала, и мы вместе с ней стали печь пироги с грецкими орешками и вишней в собственном соку, а потом на море поехали и там плавали по волнам (маленьким, конечно). От вязания мама всё лето отдыхала, а как осень наступила, руки сами потянулись к тёплой волнистой пряже – барашковой.

Вязала-вязала и снова к зиме не успела, а к следующей зиме я взяла и снова выросла быстрее кофты. Интересно, сможет ли она меня когда-то догнать? Мама говорит, взрослые не растут, иногда даже уменьшаются. Наверное, когда кофта догонит меня, я стану взрослой. И тогда кофта долго будет кофтой, а потом ей это надоест, и она превратится, возможно, в шарф, а может... Да это же бесконечная кофта! Она превратится в золотую овцу с голубыми глазами, а потом в траву, в землю, и всё начнётся сначала.

Не уходи в осень

В большой комнате, за креслом, в складках шторы с жёлтыми листьями стоит рыжая гитара. В гитаре есть круглая тёмная дыра – это осенняя нора. В норе живёт лис. На самом деле про него знаю только я. Когда лис выглядывает из норы, папа поёт, а мама хлопчет по дому (кажется, она не очень любит папино пение).

Зато мы с лисом обожаем, когда папа поёт. Особенно про солнышко лесное. Думаю, лис уверен, что эта песня о нём. Папа достаёт из-за кресла гитару, я сажусь напротив и жду: сейчас песня разбудит лиса – и он высунет мордочку с длиннющими усами, немного похожими на струны, и папа, сам того не ведая, сыграет на них. Лис будет чуть-чуть морщиться и даже фыркать, но папа только отмахнётся, подумает на свой бурчащий живот и поторопит маму с обедом. Когда папа закончит петь и поставит гитару на место, лис занырнёт обратно в нору и убежит, шурша невидимыми осенними листьями.

Недавно папа очень сильно торопился домой и упал, сломал руку. Её завернули в белую твёрдую кору. Называется – наложили гипс. Бедной папиной руке теперь не пошевелиться, только большой палец свободен. Папа целый день щёлкает большим пальцем по пульту телевизора или читает, даже на работу не ходит, какая уж тут гитара.

Я сажусь напротив норы, рассматриваю жёлтые листья на шторе и зову лиса. Но он не появляется. Он медленно уходит вглубь рыжей гитары.

– Не уходи в осень! Не уходи в осень! – кричу я ему, но лис меня не слышит.

Тогда я вытаскиваю гитару из-за кресла. Мама ворчит на меня, что гитара пыльная, но я провожу рукой по струнам ещё раз и ещё. Увы, играть я не умею и не умею петь голосом. Песня внутри меня, но, может, лис услышит её?

И вот подушечки моих пальцев ощущают едва уловимые касания, и я понимаю, что играю на лисьих усах. Они мне теперь не видны, и моё пение никому не слышно, но я пою, и осенний лис здесь. Чувствую его тепло.

– Не уходи в осень...

– Ага. Не уйду пока.

Стекляшка

Наступила зима. Мы с мамой пошли гулять в парк. Пришли, а вместо нашего озера большая стекляшка. Мама сказала: «Озеро замёрзло».

По озёрной стекляшке ходили вороны босиком и люди в сапогах. Мы тоже стали ходить и упали. Мама долго смеялась, а у меня ноги замёрзли. Но я об этом промолчала. Я придумала, что мои ноги теперь стеклянные. Мы поднялись и отправились дальше гулять. Мама баловалась, хотела снова упасть, а я вырвала у неё руку и пошла осторожно. Мне стало немножко страшно. Если ноги стеклянные, могут разбиться.

– Пошли домой! – сказала я.

Дома с меня сняли сапоги, носки и колготки. Ноги оказались обычными и целыми, только очень холодными. Чтобы их согреть, мама налила в таз горячей воды, а в воду положила горячичник (пластырь, который сильно жётся). Ногам это не понравилось, они покраснели от злости. А я их успокаивала, гладила руками и немного жалела. А были бы стеклянные – могли бы летом сверкать на солнце.

Зверь без головы

Я заболела и очень обрадовалась. Во-первых, до свидания, детский сад и кусачие шерстяные колготки! Во-вторых, зимой болеть уютно: я под одеялом, а садик далеко, за чёрным окном. Рано утром оно потеет, мама проводит ладонью и получается противный след, похожий на мои колготки. Ненавижу колготки, их нужно долго натягивать, а потом они всё равно сползут.

Болеть-то хорошо, но в горле завёлся колючий ёж. А ещё мне стало ужасно холодно, как на Северном полюсе очутилась. Папа вытащил из кладовки старый, наверное из его детства, обогреватель на четырёх изогнутых ножках. Это зверь без головы. С правого бока у него железные рёбра, под которыми много пружинок, а с другой стороны всё закрыто. Папа развернул зверя рёбрами ко мне и включил. Внутри громко и страшно цыкнуло. От страха я зажала уши. Но тут под рёбрами зверя что-то покраснелось, засветилось. «Наверное, это его сердце», – подумала я и тут же согрелась и успокоилась.

Бутерброд с красной рыбкой

Сажу на ковре, собираю пазл и знаю, что получится кораблик с алыми парусами. Я почти экстрасенс. Про них любит смотреть по телевизору наша соседка.

– Та-а-ата! Ужинать! – зовёт мама.

Мне не хочется оставлять корабль без парусов и штурвала, но я иду. На столе макароны с сыром и целых три бутерброда с красной рыбой, да ещё на половинках белой пышной булочки. Я ем макароны, хотя вообще-то не очень хочу, а потом бутерброды. Один, второй, третий исчезают во рту. Язык вязнет в сдобной вате, скользит по рыбной солёности и прохладе! Жаль, есть не хочется, но я ем, ем, а на меня сверху смотрит рыжая медуза и шевелит щупальцами. Это абажур с бахромой, его мама сшила из старого платья. Бахрома шевелится от сквозняка.

Конечно, только от сквозняка. Так мама говорит. Но я внезапно чувствую волны. Они начинают подниматься в моём животе. Всё выше и выше! И вот девятым валом они поднимают всё съеденное и выносят наружу. А меня выносит из-за стола папа. Но я падаю и тону в матрасно-кроватьной впадине. Это потому, что я не успела собрать из пазлов корабль. Как всё исправить? Укладываю мысленно последний пазл в картинку, и мой корабль спасает меня. Просто ныряет за мной, как рыба, и тащит на поверхность. Я долго плыву на свет и наконец причаливаю к подушке. А свет горит в коридоре. Рядом мама, держит невидимый штурвал. Мой корабль больше не качает. Он дрейфует в сон. Мама тоже дрейфует в сон и покачивается. Жаль только красную рыбку на белом хлебе. Зря мама старалась, зря рыбка жила... Или не зря?

Волк

Мама выключает свет, и я остаюсь одна у красного леса. Красный лес растёт прямо на стене, а в лесу живёт волк. Я поворачиваюсь лицом к лесу, чтобы сразу увидеть волка, если он появится из чащи. У меня затекает правый бок и рука, но я не шевелюсь: чуть-чуть зазеваешься, и волк выскочит, разинет зубастую пасть.

Сегодня лежать на боку особенно трудно. Болит голова, но повернуться даже на спину нельзя. Я слышу волчье дыхание в лесных лабиринтах. Красный лес в тёмной комнате почти чёрный. Как бы поскорее нырнуть в сон – там волк меня уже не достанет. Представляю, что моя кровать – маленькая лодочка, которая тихо-тихо отчаливает от красного леса и уплывает, уплывает, уплыва...

Во сне я вздрагиваю, и лодка, ударившись о берег, резко идёт ко дну. Беззвучно, как рыба, разеваю рот, никак не вытолкнуть крик! И тут меня хватает огромная, в мой рост, волчья пасть. Я чувствую, как в затылок упирается острый клык, а тело окутывает слюнявое и горячее дыхание. Я кричу, надо мной склоняется мама, а волк исчезает.

Дрожу так, что кровать скрипит, раскачивается, но не тонет. Сон обмелел. Мама обтирает меня водой. Знаю, волк ещё придёт.

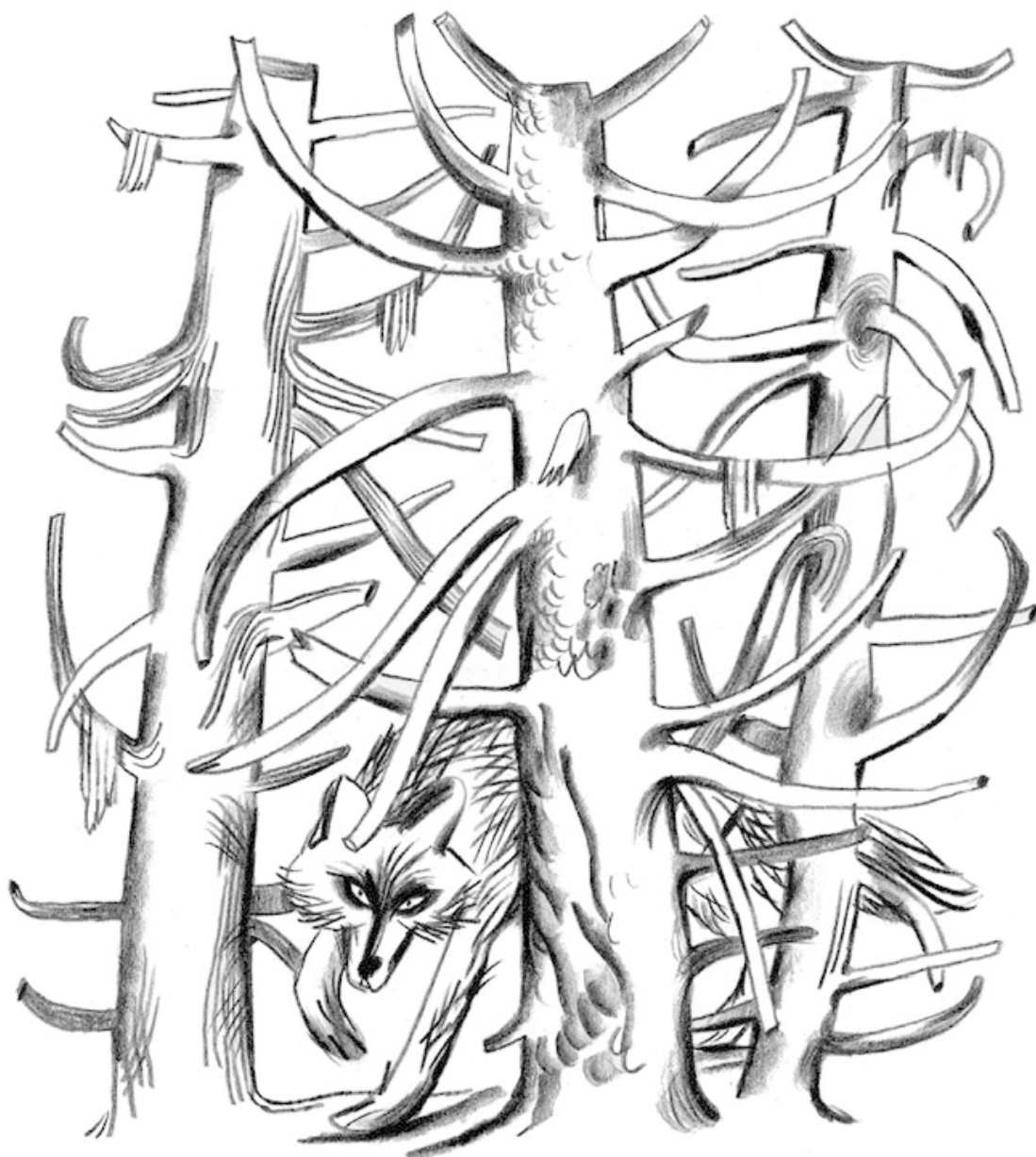
Наступает день. Я медленно вожу по красному лесу глазами. Вверх, ещё выше... по чёрным лабиринтам, рыщу – ищу волка. Надоело бояться. Бояться больно. Мои руки горячие-прегорячие, как ручки кастрюли на зажжённой плите, и вдруг я понимаю: красный лес горит! Плают верхушки деревьев и осыпаются вниз на тропинки чёрными угольями. А волк мечется по горящему лесу. Волку страшно.

– Волк! – зову я. – Волк!

Выходит. Размером не больше ногтя на мизинце. Теперь главное – не испугаться, иначе он станет расти, расти...

– Волк, сюда!

Подставляю ему ладонь. Волк робко спрыгивает на неё, перебирает лапами – горячая! Тогда я опускаю ладонь в прохладную тень под кровать, и волк убегает. А за окном падает снег. Густыми хлопьями. Папа снимает пылающий лес со стены и несёт его в снег. Хлоп-хлоп! Это мама выгоняет из меня кашель лечебным массажем. Хлоп! Хлоп! Хлоп! Это папа выгоняет из ковра жар и пепел. А стена под ковром оказывается белая-белая, безобойная. Я присматриваюсь и вижу на ней крохотные волчьи следы. Волк меня охраняет. Поворачиваюсь к стене спиной и наконец-то уплываю в сон – выздоравливать.

Стеклянный шар со снегом, домами и нами

Мы живём, можно сказать, в башне – на восьмом этаже. В новогоднюю ночь нам будут видны все-все салюты – смотри хоть до утра. Мама говорит: «Город как на ладони». Я люблю сидеть на окне и мысленно перекладывать город на свою ладонь, рассматривать его, как игрушечный городок в стеклянном шаре. Только потрясти не могу, чтобы снег поднялся с земли и посыпался на нас сверху и все бы на улицу выбежали. Но это потому, что я не великан. Да и люди в нашем городе скучные: сидят по своим квартирам, гулять не выходят, только по делам снуют туда-сюда, как муравьи. Я даже не знаю, как зовут двух девочек, которые живут напротив нас... а можно было бы подружиться и вместе нарядить во дворе ёлку.

Но вчера великан взял в руки наш город и хорошенько встряхнул. Ай-ай! Так встряхнул, что мы ужасно перепугались и выбежали на улицу. Все-все люди. И во дворе сразу праздник начался, соседи стали друг с другом знакомиться и о великановом городотрясении говорить. Девочки из квартиры напротив выбежали на улицу в принцессиных длинных платьях, не успели их в мамин шкаф вернуть, а куртки поверх надели. Ну надо же! Я ведь тоже была в мамином платье, играла в принцессу! Мы точно подружимся, но в другой раз. Эх, жаль, я заправила собственное, то есть мамино, платье в штаны, и принцессы задавались, на меня не смотрели.

А потом великан встряхнул облака, и на нас повалил снег. Мы с мамой и папой укрылись под одеялом. Я так рассердилась на этого великана, но догадалась: это не взрослый великан всех нас тут мучает, а великаний малыш играет. Он ещё маленький (хоть и великан) и не понимает, что с нами нужно аккуратно обращаться.

Когда великаний малыш уснул, мы разошлись по домам. В эту ночь я засыпала и думала о том, где в великаньей семье стоит стеклянный шар с нашим городом. Думала-думала, даже мысленно попросила великанов спрятать шар от их малыша подальше... и уснула.

В один день

– В субботу папин день рождения и Новый год, – огорошила мама.

– Как это? В один день и то и другое?

Я ушла в свою комнату думать. Что же делать? Какой выбрать праздник? Если Новый год, то можно наряжать ёлку, зажигать гирлянды и представлять, как в жёлтой лампочке колдуют жёлтые феи, в зелёной – зелёные, а в синей – злые и холодные. Но папа тогда останется без подарка. И тут я вспомнила, что в Новый год подарки получают все. Их приносит Дед Мороз и кладёт под ёлку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.